

ОТНОШЕНИЕ К ПРАВОСЛАВИЮ ВЫСШИХ СОСЛОВИЙ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ТУРКЕСТАНА

Е.Е. Озмитель

Описываются религиозная жизнь и нравственное состояние военных, статских и других образованных страт русского общества Туркестана, исследуется их отношение к уставам и нормам Русской православной церкви и роль в развитии православной культуры на территории Киргизии.

Ключевые слова: история культуры Киргизии и Туркестана; Русская православная культура; религиозная жизнь; секуляризация.

Городская среда, в которой сосредоточивались все высшие сословия Туркестана (за редчайшим исключением здесь не было поместий), формировала свою социокультурную общность, которой были присущи отчетливо выраженные отличия в культурно-бытовых традициях и менталитете, более разнообразные, чем в деревне, формы воцерковленной повседневности. Несмотря на то что дворянская культура и интеллигенция всегда нахо-

дились в центре внимания историков, их религиозная жизнь остается до сих пор слабоизученной. А между тем, именно город с начала XX века становился центром социальных и политических преобразований и религиозного модернизма. От образованных страт во многом зависело самосознание русской культуры и вектор ее развития.

Отзывы современников о религиозно-нравственном состоянии высших сословий

русского общества Туркестана с самого начала освоения края до конца имперского периода были преимущественно отрицательными. И светские, и церковные источники единодушны в том, что в массе своей русское образованное городское общество мало соответствовало тем задачам, которые выдвигала сложнейшая политическая и социокультурная ситуация Средней Азии. Объяснений этому находили множество. Самое распространенное – “жаркий Туркестан, неблагоприятный для чиновничества в материальном аспекте и удаленный от культурных центров, воспринимался в русском обществе как место ссылки. В Ташкент посылались “непокорные дети” своими отцами на исправление, проштрафившиеся на службе гражданские чиновники и офицеры. Долги по векселям, семейные неурядицы, общественный ostrакизм также становились причинами переезда” [1: с. 164].

М. Путинцев, наблюдавший начало русской колонизации Туркестана, замечает, что и военные чины, и гражданские чиновники здесь – “суть народ пришлый, собирающийся с разных концов необъятной России ..., а в далеких окраинах распущенность жизни русского, по преимуществу кочевого, бесхозяйного населения, доходит почти всегда до крайних пределов” [2, с. 5]. К.П. фон-Кауфман говорил даже о необходимости каких-то особенных качеств, чтобы суметь сохранить в Туркестане честь и достоинство: “Кто здесь долго жил, тот или спивался, или женился на случайной женщине; если же холостой человек удерживался ..., то это значило, что он был человек с характером” [3, с. 5].

Очевидно, что здесь мы сталкиваемся не столько с историческим, сколько с психологическим феноменом. Характеристики высших слоев русского Туркестана остаются весь интересующий нас период такими же, как и у М. Путинцева, то есть, они почти не меняются. В одном из самых ранних архиерейских отчетов читаем: “В первой и высшей половине христианского населения в обеих областях [Сыр-Дарьинской и Семиреченской – *Е.О.*] очень заметно особенное стремление к забавам и увеселениям, состоящим в безмерном и учащенном кутеже, которому придаетесь напльвное чиновное молодечество, и который, быстро переходя в открытое пьянство, заливающее и ум, и совесть, и честь, благородство, нередко оканчивающееся страшным сумасшествием и сумасбродством [...], в одном Верном при мне уже было едва ли не до 10 самоубийств” [4; л. 25об].

Епископ Димитрий, управлявший епархией в начале XX века, как будто продолжает

отчет епископа Софонии: “С проведением железных дорог и развитием торговли и промышленности в городах Туркестана ... русские города разрослись ... появились разные учебные заведения, общественные и благотворительные учреждения, водопроводы, освещение Но религиозно-нравственная жизнь православного населения и теперь не улучшилась, и теперь продолжает служить соблазном для покоренных мусульман, оказывая и на них свое развращающее влияние. Если прибавить к этому ярко проявившееся в революционные годы отрицательное отношение к религии со стороны большинства городской интеллигенции и усилившуюся пропаганду неверия и социализма среди рабочего класса, то будет понятно, какого внимания со стороны пастырей, каких трудов и сил требует городская паства” [5, с. 83].

Особенную вольность проявляли высшие воинские чины в отношении к Церкви. Генерал-губернаторы Туркестана постоянно подчеркивали свою независимость от туркестанских архиереев. Начальственное отношение к полковым священникам, желание полностью распоряжаться не только их временем, но даже и назначениями, и богослужебной практикой были частым явлением для Туркестана. Военное начальство, пишет о. Михаил (Путинцев), “по своему усмотрению переводило священников с места на место, представляло их к наградам и т.п., даже не спрашивая на то согласия преосвященных. [...] Начальство] требовало от духовенства не только в военное, но и в мирное время (и достигало) полного и беспрекословного повиновения всем приказам и веляниям не только высших генералов, но в укреплениях и отрядах даже простых воинских начальников, майоров, капитанов” [2, с. 15].

Самоуправство командиров нередко проявлялось “в предписаниях полковым священникам совершать браки без соблюдения формальностей, требуемых законом, – в приказании отправлять требы по полкам, расположенным по разным местам, без выдачи на это прогонов. Случалось, что полковое духовенство обращалось к обер-священнику армии и флота с жалобами на воинских начальников, которые делают частные многообразные, противозаконные предписания, оскорбительные не только для священного сана, но и всякого честного человека” [6, с. 230]. Здесь же можно вспомнить об игнорировании сырдарьинским воинским начальством просьб священника разрешить ему подготовить одного из солдат к причетнической деятельности, за-

прет на участие солдат в богослужении, требования сократить время богослужения [2, с. 16].

Жалобы священников и военачальников друг на друга были самым обычным делом для Туркестана. В отчете епископа Николая за 1895 год есть такие примеры: администрация требует от священников отчеты – на что израсходованы деньги, куда он отлучался; власти не помогают, когда нарушаются интересы священников со стороны переселенцев или киргизов, военное командование может назначить ктитора, когда есть староста [8, с. 46]. Епископ Николай, отмечая как характерную для военных чиновников черту – недостаток уважения к храму, – приводит такой пример. “Прапорщик, командовавший парадом, приказал раньше опустить низшим чином выходить из церкви. Те произвели такой шум, что священник прервал службу и стал разбираться с прапорщиком при всех” [8, 46 об].

Перечисленные выше случаи свидетельствуют о религиозном индифферентизме, очень распространенном в среде военного руководства Туркестана. К концу рассматриваемого периода обнаруживается не просто безразличное, но и резко критическое отношение к Церкви, к ее основным ценностям. В 1914 году на казачьем хуторе около Верного, благодаря чудесному сну монахини верненской Иверско-Серафимовской обители, была обнаружена икона Пресвятой Богородицы Скоропослушницы. В “Туркестанских ведомостях” за июнь 1914 года сообщалось, что “военные руководители потребовали от епископа проверить все обстоятельства неожиданно свершившегося “чуда”. Однако епископ Иннокентий не стал ничего проверять и организовал торжественное перенесение “чудотворной” иконы в Верненский кафедральный собор” [9, с. 76]. Для нас этот факт интересен не только как пример крайнего недоверия к церковной иерархии, но и как свидетельство сомнения в самом факте возможности чуда.

Перечисляя эти нередкие случаи из религиозной жизни русского Туркестана, не следует забывать, что все эти проблемы в отношениях высших российских сословий к Церкви и духовенству не были специфически среднеазиатскими. По словам Г. Флоровского, еще с петровских времен “благочестие” было отодвинуто в социальные низы, а разрыв между “интеллигенцией” и “народом” прошел именно в области веры. ... Православие, таким образом, осталось верой только “простого народа”, купцов, мещан и крестьян” [10, с. 504].

Секуляризация русской культуры началась с властных структур, с дворянского сословия, и к середине XIX века именно эти слои оказались затронуты ею больше всего. Особенностью Туркестана было то, что здесь было более свободное отношение к морали. Оставленные в центральных губерниях семьи и другие социальные связи освобождали “господ-ташкентцев” от многих условностей в поведении и обращении.

Отношения высших слоев русского Туркестана к Церкви осложнялись конфликтами между архиереями и краевым военным руководством. П.П. Литвинов приводит множество примеров неприязненных отношений туркестанских архиереев и генерал-губернаторов (фон-Кауфманна и Софонии, фон-Кауфманна и Аркадия, Духовского и Григория) [11, с. 16]. Однако есть и другие примеры. С генералом Колпаковским имели прекрасные отношения и епископ Софония, и епископ Александр, в деле строительства церкви владыка Димитрий активно сотрудничал с генералом Ивановым. На личном уровне проблема взаимоотношений светских и церковных властей Туркестана решалась по-разному.

Следует отметить также, что разложение нравственности и религиозный индифферентизм были в большей степени свойственны образованным жителям крупных городов Туркестана, краевых центров. Все приведенные выше отзывы касаются Верного, Ташкента, Ашхабада, в которых секуляризационные процессы протекали быстрее. Что касается небольших провинциальных городов Киргизии, образовавшихся из воинских укреплений, то здесь довольно долго в среде офицеров и чиновников сохранялись настоящие христианские добродетели: бескорыстие, терпение, неприхотливость в быту, взаимовыручка, дружелюбие, гостеприимство, любовное отношение друг к другу и к низшим чином, гуманное отношение к пленным, дружелюбное, сочувственное – к местным народам.

Очень ярко пишет о “товарищеской простоте отношений между людьми и привычках бесхитростного братства” Е. Марков, побывавший в Оше на рубеже XIX–XX веков: “...Здесь царствует какая-то добродушная коммуна в домашней жизни немногочисленного офицерского кружка, немножко, пожалуй, напоминающая братскую общину бывлой Запорожской сечи. Всякий свободно идет в квартиру товарища и без стеснения пользуется всем, что у него найдется Приезжают к кому-нибудь гости, – и все военное товарищество ... принимает участие в гостеприимстве ... И никому в голову не при-

дет отказать, когда есть налицо то, что требуется... Соврать в подобном случае, поскупишься в дележе с товарищем – величайший позор для туркестанского воина А когда все в известной степени принадлежит всем, когда никто не конфузится обнаруживать скудость своего домашнего быта, – никому, разумеется, не может прийти в голову чваниться перед другими своею обстановкою, щеголять красивой одеждой или удобствами жизни. Поэтому совершенная простота быта – здесь закон природы своего рода. Солдатская неразборчивость и нетребовательность воспитались здесь самою историею рядом с бесстрашием и удалством. Ничтожные кучки наших геройских воинов ... должны были в себе самих, в своем тесном братстве, в своем безмолвном терпении и скромности вкусов находить средства своего существования. Преследовалось всеми одно, главное, – победа над врагом, завоевание и усмирение края. ... Есть что поесть, – поедят, а нет, так подтянутся потуже ремешком, покурят трубочки и ждут удобного случая. Походы в азиатских степях не балуют человека, не делают из него сибарита... Поневоле упростишь все вкусы и станешь на все неразборчив. Эта простота и грубость быта вместе с железной выносливостью – характерная черта истаго туркестанца старого закала, каким мы знали его в Оше” [12, с. 98–99]. О “русском обществе” крепости Гульча из семи человек Е. Марков пишет: “чтобы жить целые годы здесь в такой тесной и постоянной компании..., нужно немало христианского терпения” [12, с. 140]. По мнению Е. Маркова, все эти качества, столь необходимые в суровых походных условиях Средней Азии, вообще были изначально свойственны туркестанским офицерам, а к концу XIX века обнаружилось у них уже только в отдаленных провинциальных городках, “в настоящем глухом уголке Туркестана, где еще живы предания старых туркестанских нравов и типы старых покорителей Туркестана” [12, с. 97].

Судя по намекам Е. Маркова на Запорожскую Сечь, и в ошской “братской общине” бывали кутежи, но очевидно также, что в приведенных выше размышлениях известного путешественника туркестанские нравы начала колонизации края категорично противопоставляются более поздним, столичным (ташкентским). Действительно, с такими “симпатичными” туркестанскими офицерами мы встречаемся у Б. Тагеева, подробно описавшего Памирский поход 1893–94 годов. Главное здесь – гуманное, деятельно-сочувственное отношение и к неспра-

ведливо осужденным сыновьям Курманджан-Датки [13, с. 24–25], и к больному погонщику лошадей, и к пленным афганцам [13, с. 37–39], и к солдатам, которых офицеры на труднейшем перевале по очереди усаживали на своих лошадях, а сами шли пешком [13, с. 40].

В истории православной культуры Киргизии есть также много примеров деятельного участия как военных, так и статских чинов в строительстве и благоустройстве церквей. “В деле постройки церквей надо отдать должное местным Генерал-Губернаторам В Сыр-Дарьинской области почти все храмы выстроены на средства, отпущенные начальниками края. Иначе шло дело в Семиречье. Семиреченская область всегда почему-то была нелюбимой дочерью высшей администрации, все ее нужды попирались, на ее вопли не обращалось никакого внимания” [14, 28]. В Семиречье были свои, местные, благодетели. “Генерал Колпаковский выстроил собственным иждивением в высылке Любавном ... благолепный и вместительный храм, снабдив его иконостасом, утварью и ризницей, а при храме и дом для священника со всеми службами” [4, л. 23об]. Он же в высылке Кошинском построил училище, а в церковь пожертвовал золоченый иконостас с иконами из Москвы [4, с. 24]. На территории Киргизии при активном участии генерала Колпаковского был создан Свято-Троицкий Иссык-Кульский монастырь.

Значительную помощь при строительстве большого и красивого Свято-Троицкого храма в Караколе оказал полковник Г.С. Петелин, получивший за это “титул” храмоздателя. А в лице начальника Ошского уезда полковника Алексеева, “как истинного христианина и уважаемого местным населением”, строительный комитет Ошского Свято-Архангельского собора “нашел главную опору”. По просьбе Алексеева город пожертвовал на строительство храма 51 дерево для стропил крыши, местные производители кирпича на 30% снизили цену [15, с. 2].

Имя коммерции советника Н.И. Иванова, богачейшего предпринимателя Туркестана, производилось с огромной благодарностью во многих городах и селах. На его пожертвования выстроено и украшено шесть храмов, в том числе и в Киргизии – Пишпекский Свято-Никольский собор, построена духовная семинария в Ташкенте.

Участие в “строительстве” православной культуры в Туркестане высших слоев заключалось также и в социальной, и в просветительской деятельности. В своих отчетах в Св. Синод епископ Софония писал не только об отрицательных

свойства городского образованного населения, но и о “благосердом сочувствии” высшего общества к иноверцам, вступающим в православие, о сочувствии к безродным и беспомощным сиротам. “Не одни кавалеры, но и дамы радушно и с полной готовностью берут на себя быть восприемниками всех, приемлющих святое крещение – евреев, киргизов, калмыков и иных” [4, л. 23 об]. В высшем обществе немало есть случаев, что “души христоролюбивые” берут осиротевших детей в “недра своих семейств и воспитывают одинаково со своими детьми” [4, л. 24 об]. Отчеты о деятельности Семиреченского православного братства и его преемника Туркестанского Казанско-Богородичного епархиального братства за многие годы существования этой организации накопили множество примеров активного участия представителей высших сословий в просветительской, миссионерской и благотворительной деятельности. Члены братства брали в свой дом на попечение сирот, оплачивали и организовывали их обучение, участвовали в жизни новокрещенных, жертвовали на благотворительность, читали лекции, организовывали разнообразные благотворительные акции, создавали общественные и частные библиотеки. О составе этих книжных собраний можно составить представление по дореволюционным изданиям, хранящимся в библиотеках Кыргызстана. Духовная литература здесь хотя и в небольшом количестве, но была очень разнообразной – от просветительских печатных “Троицких листков”, которые развешивались в общественных местах – на почте, в лавках, до рукописных и первопечатных раритетов. Н.А. Харченко перечисляет те из них, которые хранятся в Национальной библиотеке Кыргызстана. Это – фрагменты рукописных переводов Максима Грека, сочинений блаженного Иеронима, два издания “Апостола” Ивана Федорова из коллекции русского библиофила В. Крылова, другие памятники русской культуры XVI–XVIII веков: фрагменты Острожской Библии – Откровение Иоанна Богослова; Псалтирь и Новый Завет 1580 года издания, Новый завет и Псалтирь 1600 года виленской типографии Луки и Кузьмы Мамоничей, издания Московского печатного двора, Чернигова, Киево-Печорской лавры, большое количество книг, посвященных культуре России [16, с. 146–147]. Учитывая все исторические катаклизмы, которые непосредственно коснулись дореволюционных книжных собраний, логично предположить, что таких книг было гораздо больше. Раритеты в богослужении не использовались – эти книги из част-

ных и церковных собраний свидетельствуют о серьезном научном и духовном интересе образованных слоев русского общества Туркестана к богословию и к проблемам русской истории. Книги обеспечивали интеллектуальную связь социокультурной общности и в диахронном, и в синхронном разрезе, приобщая интеллигенцию к тысячелетнему опыту русской православной культуры.

Очевидно, что образованные страты русской православной культуры не являли собой нечто однородное, обнаруживая самое разное отношение к православию и его нравственному учению. Но преобладало формальное, прохладное отношение. Предреволюционная ситуация начала XX века и сама первая русская революция многих заставили сделать выбор между верой и атеизмом: либо встать на сторону Церкви, либо занять сторону ее противников. Если крестьянство, увлекаемое то проповедью священника, то речами пропагандиста, могло оставаться еще в среднем состоянии единой массой, то в сознательной части российского общества происходило более четкое размежевание интересов, вызывавшее отпадение от Церкви, а, значит, и от православной культуры.

“Единения руководителей прогресса с учителями святого учения Христа” пытался достичь епископ Димитрий. При нем просветительские мероприятия Казанско-Богородицкого братства собирали многотысячные аудитории, причем отмечалось, что “более половины слушателей – из культурного общества” [17, с. 615]. Как бы в противовес деятельности Казанско-Богородицкого братства в Верном “псевдо-европейцы” под руководством Э. Баума организовали “Общество ревнителей просвещения”, занимавшееся распространением нелегальной литературы – террористической, эсеровской и марксистской; они заводили подпольные рабочие кружки, где среди прочих “уроков просвещения” давалось руководство по устройству баррикад. В 1905 году в Пишпеке группа демократически настроенных интеллигентов под руководством социал-демократа И.А. Глебова пыталась открыть библиотеку-читальню [18, с. 78]. Конечно все, что понималось под просвещением в этой среде, прямо противоречило высокому нравственному учению христианской Церкви.

Социал-демократическая антиправительственная пропаганда начала XX века способствовала усилению антицерковных настроений во всем образованном обществе, которое теперь уже не считало нужным даже формальное, внешнее

исполнение церковных уставов. В годы первой русской революции Верненский родительский комитет при женской гимназии “частным образом обращался к местному Епископу за разрешением допустить танцы в гимназической церковной зале” [19, с. 198]. В 1909 году этот же родительский комитет в Великий пост организовал концерт Верненского музыкального общества с танцами до 2-х часов ночи”. В Асхабаде также во время Великого поста в “Велосипедном клубе” был устроен семейно-танцевальный вечер с участием балетной труппы [20, с. 198]. В 1916 году директор Пишпекской гимназии Юнгмейстер разрешил провести маскарад в актовом зале, где по праздникам совершается литургия, то есть, по сути дела, в гимназической церкви [21, с. 23]. Самое печальное для православной культуры было то, что такие кошунственные мероприятия проводились для образованной гимназической молодежи, от которой в будущем уже трудно было бы ожидать благоговейного отношения к святыне.

Все это свидетельство того, что оскудение веры среди простого народа, о котором не уставали писать в прессе и отчетах, ни в какое сравнение не шло с секуляризацией культуры высших сословий. “Гораздо печальнее это дело среди интеллигенции, – сетовал один священник. – Здесь наблюдается последний уклон от исполнения евангельских и церковных заповедей, развал семьи, пренебрежение к духовенству и стремление увлечь на этот путь и простой народ. Особенно все жалуются на местных переселенческих чиновников” [21, с. 63]. В этом же источнике приведены факты неблаговейного, непочтительного, а порой и кошунственного отношения к святыням, святым иконам.

Социал-демократическая, нигилистическая пропаганда, распространявшаяся в Туркестане и местной радикальной интеллигенцией, и из центра, приносила свои плоды. К концу рассматриваемого периода духовно-нравственный кризис глубоко затронул все слои русского образованного общества.

Литература

1. Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. СПб., 1889.
2. *Путинцев М., прот.* “Вот каков наш Туркестанский юг: в комнате сидим в шубах!”: Воспоминания об архиепископе Софонии // *Восток свыше*. Ташкент, 2006. Вып. XII.
3. *Остроумов Н.* Константин Петрович фон-Кауфман устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881). Ташкент, 1899.
4. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 502.
5. ЦГА КР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1.
6. *Павлов Н.* История Туркестана. В связи с кратким историческим очерком сопредельных стран (Персии, Белуджистана, Индии и Восточного Туркестана). Ташкент.
7. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1595.
8. *Литвинов В.П.* Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени). Елец., 2006.
9. *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
10. *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.) Елец, 1996.
11. *Марков Е.* Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самарканду, Фергане. СПб., 1901. Т.2.
12. *Тегеев Б.Л.* Русские над Индией // Майер А.А., Тегеев Б.Л. Полуденные экспедиции. Очерки. М., 1998.
13. Туркестанские епархиальные ведомости. 1907. №3.
14. ЦГА КР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2.
15. *Харченко Н.А.* Участие русских в становлении библиотечного дела в Кыргызстане // *Русские в Кыргызстане*. Бишкек, 2009.
16. *Дамаскин (Орловский), игумен Антоний* // *Православная энциклопедия*. М., 2000.
17. *Бедельбаев А.* Деятельность первых культурно-просветительских учреждений Кыргызстана (к. XIX – н. XX в.) // *Вестник КРСУ*. 2006. Т.6. №10.
18. Туркестанские епархиальные ведомости. 1907. №3.
19. Туркестанские епархиальные ведомости. 1909. №7.
20. РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2767.